

— Бессмертный господин, настал час Собаки. Пора отдыхать, — напомнил Мо Яньхань.

Подняв с табурета плащ из вороньих перьев, юноша бережно накинул его на плечи Шэнь Хуайцзюня.

Шэнь Хуайцзюнь всё ещё задумчиво разглядывал россыпь дробленого арахиса на дне пиалы. Он с легким удивлением бросил взгляд за окно:

— Неужели уже так поздно? Когда мы пришли, солнце даже не зашло.

Отстраняться он не стал. Угольно-черный плащ с оторочкой из темного золота выгодно оттенял его бледное, словно изнеженный нефрит, лицо. Две пряди черных как смоль волос ниспадали на грудь, придавая ему облик кроткого и благочестивого бессмертного.

— Жаль только затраченных трудов: эту порцию османтусового сахара мы так и не доварили, — покачал головой Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань весьма своенравным жестом отобрал у него пиалу и привычным движением ловко завязал шелковые тесемки плаща.

— Ночная роса холодна. Если задержимся, вы снова станете кашлять. Помните, господин? Вы обещали во всем меня слушаться. Нам, идущим по пути Дао, надлежит держать слово. Если вы нарушите обещание, другие поднимут вас на смех!

Шэнь Хуайцзюнь лишь беспомощно улынулся:

— Ну и ну...

За эти несколько дней мальчишка заметно поумнел: его суждения стали тонкими и проницательными, и он быстро усвоил, какими доводами можно удержать мастера от упрямства.

— Что ж, идем. Я и впрямь утомился.

Две фигуры в черных одеяниях — высокая и пониже — вместе покинули трапезную.

Неподалеку, укрывшись заклинанием невидимости, стоял Гао Линъяо. Его ледяной взгляд, не выражавший дотоле ни единой эмоции, при виде более низкой фигуры полыхнул лютой ненавистью.

— Линъяо? — тихий, мягкий голос разрушил тишину.

Гао Линъяо повернулся и сдержанно поклонился:

— Учитель.

Из бамбуковой рощи, натянув приветливую улыбку, вышел Бай Шэн:

— Где ты был? Я с ног сбился, разыскивая тебя.

— Нигде, — с прежней безупречной почтительностью отозвался Гао Линъяо.

Однако в его душе бушевали бури. Воспоминания невольно унесли его на два столетия назад — к тому дню, когда Бессмертный господин Бай Шэн собственными руками возвел Великую формацию Девяти Оборотов Пленения Дракона под восторженные возгласы всего мира.

Тогда над землей реяли благодатные облака, а ликующие крики сотрясали четыре моря. Бай Шэн купался в лучах славы, тогда как Шэнь Хуайцзюнь, невзирая на свое непревзойденное мастерство меча, лежал при смерти и три месяца не приходил в сознание.

Один обрел всемирное почитание, другой угасал на ложе. И тогда Гао Линъяо сделал свой выбор.

— Линъяо, о чем ты задумался? — поинтересовался Бай Шэн.

Опомнившись, Гао Линъяо лишь покачал головой:

— Господин искал меня глубокой ночью. Что-то случилось?

Глаза Бай Шэна затеплились радостью, он дружески похлопал ученика по плечу:

— Прибыл твой отец, Бессмертный почтенный Мяору!

"Отец?!"

Гао Линъяо мгновенно страхнул оцепенение. Клан Гао считался первым среди родов, владевших искусством создания талисманов, а его отец, опираясь на древнее наследие предков, вознесся до уровня Почтенного. Хоть по силе тот и уступал Бессмертному почтенному Линсю, все же входил в тройку величайших заклинателей мира культивации.

Гао Линъяо нахмурился, сбитый с толку:

— Отец ведь искал в Северном море расу тритонов, сгинувшую тысячу лет назад. Поговаривали, не так давно он наткнулся на важный след... Почему он вдруг вернулся? Неужели...

Улыбка на губах Бай Шэна стала еще шире.

— Неужели отец решил передать мне последнюю, тайную часть нашего семейного наследия?
— с нескрываемым изумлением выдохнул Гао Линъяо.

Он обладал незаурядными способностями. Если ему достанется эта высшая техника, то спустя век он не просто станет Бессмертным господином — он неизбежно вознесется до Почтенного!

Бай Шэн слегка подтолкнул его к выходу из рощи:

— Мне пришлось долго уговаривать твоего отца, прежде чем он согласился. Иди же скорее!

Гао Линъяо не мог скрыть ликования. Но вдруг сердце его сжалось: перед глазами предстал одинокий, гордый и чистый, подобно одинокой сосне, силуэт Шэнь Хуайцзюня. Наследие клана Гао способно вознести заклинателя до высот Почтенного... Быть может, оно сумеет исцелить и раны, нанесенные небесной карой?

Эта мысль придала ему сил, и он ускорил шаг, устремившись к главному залу Цинсяо.

Бай Шэн смотрел ему вслед, и на его губах заиграла насмешливая ухмылка. Он прекрасно видел, как его ученик тоскует по прежнему наставнику.

— И что с того? — презрительно бросил он в пустоту. — Стоило манить мелкой подачкой, и его душа снова у моих ног.

На следующий день в главном зале Цинсяо собрались старейшины и главенствующие заклинатели великих орденов, чтобы отведать персикового вина, запечатанного еще две сотни лет назад. Бай Шэн восседал во главе стола, щедро угощая гостей.

— А отчего же не прибыл старейшина ордена Линсё? — как бы между прочим поинтересовался он.

Присутствующие мастера переглянулись, и один из них ответил:

— Он рассчитывал встретиться с главой ордена Цинем. Но поскольку тот так и не появился,

старейшина отбыл восвояси, сославшись на неотложные дела.

Пальцы Бай Шэна на мгновение замерли, он безразлично уронил:

— Вот как.

Поднявшись с места, он обратился к присутствующим:

— Мне нужно ненадолго отлучиться в задний павильон. Угощайтесь, почувствуйте вкус вина.

Едва за ним закрылись тяжелые двери покоев, Бай Шэн поспешил к столу и сдернул покров с фонаря из цветного стекла. Внутри стеклянного сосуда клубился и метался сгусток темной пурпурной дымки.

— Все вокруг только и делают, что насмеются надо мной! — сжав кулаки, в ярости выдохнул Бай Шэн. — В чем дело?! Неужели Небесная книга утратила силу?!

Пурпурный туман на мгновение замер, затем раздался его тихий, умасливающий шепот:

— Небесная книга вершит судьбы уже две сотни лет, она не могла дать сбой. К тому же вчера Гао Линъяо вновь проникся к тебе преданностью.

— Но я никогда еще не терпел подобного позора! Какая-то мелюзга из клана Чжун смеет смотреть на меня свысока! И это ты называешь "исполнением любых желаний"?! — резко перебил его Бай Шэн.

Два века назад, начертав в Небесной книге заветные слова «Исполнение всех желаний», Бай Шэн жил, не зная бед и преград. Теперь же, столкнувшись с наименьшей помехой, он впадал в бешенство от собственной уязвимости.

Сгусток тумана сделал несколько витков и осторожно произнес:

— Удача переменчива, словно прилив и отлив. Возможно, уже завтра фортуна вновь улыбнется тебе...

— Завтра?! Мне нужно благоволение судьбы прямо сейчас! — сорвался на крик Бай Шэн.

Не успело эхо его крика утихнуть, как за дверью раздался полный отчаяния вопль. В павильон, задыхаясь и спотыкаясь, ворвался стражник. Он рухнул на колени прямо посередине зала и принялся истово бить челом, так что стук лба о плиты из белого нефрита огласил всю комнату:

— Бессмертный господин Бай Шэн! Господин, умоляем, спасите поднебесную!

— Вчера в Великой формации Девяти Оборотов Пленения Дракона вспыхнули тёмные знамения! Похоже, Владыка призраков вознамерился вырваться на волю! Мы, стражи формации, прибыли за помощью!

— Умоляем Бессмертного господина явить милосердие и вновь укротить это чудовище!

Голос стражника дрожал от смертного ужаса. Искажённое гневом лицо Бай Шэна вмиг изменилось: в его глазах вспыхнул дикий, торжествующий огонь.

Пурпурный туман тихо, ехидно захихикал:

— Ну надо же... Вот и твой шанс прославиться на весь мир.

— Полагаю, до всех вас уже донеслись вести, — вещал Бай Шэн, вновь восседая на возвышении перед гостями. С кроткой, смиренной улыбкой на лице и глубокой печалью в голосе он продолжал: — В Великой формации Девяти Оборотов Пленения Дракона возникла брешь. Я намереваюсь приручить беду и прошу великие кланы и ордена объединить усилия, дабы совместно укрепить заветы.

Собрание в главном зале Цинсяо замерло в оцепенении.

Еще тысячелетие назад древние Почтенные предрекали появление Владыки призраков, способного сравняться мощью с Повелителем демонов и Королем демонов. Орден Цинсяо потратил века на создание Великой формации Девяти Оборотов Пленения Дракона, и именно Бай Шэн воплотил её в жизнь, избавив Поднебесную от давившей на сердца угрозы.

Но не прошло и двухсот лет, как защита дала трещину?

— Это же невозможно! Бессмертный почтенный Линсю утвердил, что формация простоит не одно тысячелетие!

— Вот именно! Может, стражи попросту ошиблись?

Глядя на волну смущения и недоверия, прокатившуюся по залу, Бай Шэн чувствовал, как еле заметная улыбка на его губах постепенно превращается в ледяной оскал.

А тем временем на ветке раскидистого дерева сидел Мо Яньхань, беззаботно пережевывая

янтарный кусочек османтусового сахара.

Во дворе стоял невообразимый гвалт. Воспользовавшись тем, что Шэнь Хуайцзюнь прилег отдохнуть после полудня, юноша выбрался поглазеть на суматоху — и не прогадал. Кучка старикашек с пресерьезным видом рядила, что делать, если он вырвется из заточения!

"Вот ведь дурачье, — мысленно фыркнул он. — Меня и близко нет в этой вашей формации!"

Вдруг его взгляд зацепился за одну колоритную фигуру.

Градоначальник Юй — Юй Синьчжи.

В самом центре главного зала Юй Синьчжи переваливал свое тучное тело с ноги на ногу, таская за собой младшего сына и пытаясь втереться в доверие к влиятельным особам. Но стоило ему повернуться, как прямо перед его носом возник сочащийся гноем и кровью череп. Градоначальник едва не подпрыгнул от ужаса.

Он воровато огляделся вокруг: Истинные господа и Бессмертные продолжали сдержанно беседовать, явно не замечая жуткого призрака.

— На колени, — разинув пасть, отдал приказ череп.

— Ты... ты кто такой?! — с заплетающимся языком пролепетал Юй Синьчжи.

"Это же главный зал ордена Цинсяо! Какой демонической твари под силу проникнуть сюда незамеченной?!"

— Я тот, кого тебе на горе Цину не следовало гневить, — проскрипел череп. — Обернись в сторону обители Шэнь Хуайцзюня, падай на колени, отвесь три земных поклона и вопи во всё горло: «Бессмертный господин, простите дурака за поганый язык!» Впрочем, можешь изъяснить свою вину и своими словами. Если повинишься сладко да складно, я, так и быть, дарую тебе жизнь.

Юй Синьчжи окинул взглядом битком набитый зал. Опозориться перед всеми господами было смертельной обидой для его гордыни, но и спорить с демоническим порождением не доставало духу. Он попытался сторговаться:

— Слушай... А давай мы уйдем куда-нибудь в безлюдное место, и я там прокричу, а?

Мо Яньхань на дереве издал глухой, холодный смешок.

"Ты что же, на базаре торгуешься? Думаешь, я тебе сладости с уступкой продаю?"

Юй Синьчжи обомлел. В следующее мгновение черная стрела рассекла пространство и свистящей молнией вонзилась прямо в зал, пробив его лоб насквозь. Брызгнула алая кровь.

Градоначальник рухнул оземь мертвым, так и не успев смежить глаза.

Лю Чжай тяжело, протяжно вздохнул.

— За все время нашего знакомства ты впервые сидишь передо мной с такой мрачной миной, — Шэнь Хуайцзюнь пододвинул к нему пиалу с ароматным чаем.

— Как тут не мрачнеть?! В самом сердце главного зала Цинсяо среди бела дня убивают человека! Да еще и подозревают вторжение призрачных культиваторов! — принялся сетовать Лю Чжай. — Вернется мальчишка Линсю — опять все собаки на меня спустит.

Шэнь Хуайцзюнь лишь качнул головой и едва заметно улыбнулся.

— Тебе еще и смешно! С гибелью Юй Синьчжи все ордена окончательно поверили, что в формации дыра. Теперь вся братия намерена отправиться к заточению, в обители такой переполох, что пыль коромыслом! — горячился Лю Чжай.

Шэнь Хуайцзюнь вздохнул:

— Я человек недужный, мне остаётся лишь пожелать им доброго пути.

Единственным, кто ведал правду, был он сам: Владыка призраков давным-давно гуляет на свободе. А это убийство... Было ли оно способом запугать его или же прямым намеком на то, кто станет следующей жертвой? Чем беспокоиться о суматохе в ордене, ему следовало бы позаботиться о собственной голове.

— Ладно, пойду разгребать эти завалы, — Лю Чжай поднялся и махнул рукой. — Кстати, ты ведь не первый день изучаешь призрачных культиваторов? Вот, держи, это та самая стрела, которой убили того увалистого градоначальника. Попробуй разобрать её свойства.

С этими словами он поставил на стол продолговатый деревянный ларец.

Шэнь Хуайцзюнь принял подарок и проводил гостя до ворот. Вернувшись в комнату, он с неторопливой степенью сдвинул крышку шкатулки — и замер.

Внутри лежало угольно-черное древко, белое оперение и свернутый талисман огненного нападения.

Стрела была один в один похожа на ту, что с утра до вечера с особым усердием вытёсывал юноша на пороге его дома.

<http://bllate.org/book/20545/2132721>